



САРА ПИРС

ДЕБРИ



INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
ПЗЗ

Sarah Pearse

THE WILDS

© Sarah Pearse Ltd. 2024

This edition is published by arrangement with Johnson & Alcock Ltd.
and The Van Lear Agency

В оформлении обложки использована иллюстрация:

everst / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Художественное оформление *Константина Гусарева*

Пирс, Сара.

ПЗЗ Дебри / Сара Пирс ; [перевод с английского Н. Рокачевской]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-221296-3

Желая сбежать от тяжких воспоминаний детства и себя самой, Кир Темплер отправляется на трейлере по живописному национальному парку в Португалии. Единственный, с кем она поддерживает связь, — ее брат-близнец Пенн. И из каждого памятного места Кир отправляет ему нарисованную карту.

Когда Пенн не получает последнюю карту, он чувствует, что случилось нечто ужасное. Полиция отказывается расследовать исчезновение его сестры, но Пенн уверен — Кир все еще там, в лесных дебрях, и ей нужна помощь.

Для детектива Элин Уорнер эта поездка была хорошим поводом восстановиться после последнего дела и наладить отношения с братом Айзеком. Но, как оказалось, они приехали в Португалию не просто так — Айзек хочет разыскать пропавшую сестру своего друга. В парке у Элин появляется нехорошее предчувствие после встречи с подозрительными обитателями лагеря. И скоро она понимает, что в этой глуши есть нечто более зловещее, чем мрачные тени в ночи...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-221296-3

© Рокачевская Н.В., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Моему отцу,
самому доброму и отважному человеку*

ПРОЛОГ

По вечерам трейлер словно оживает. При включенном свете внутри становится тепло, уютно, и я чувствую себя как в коконе. Жесткие контуры смягчаются. Утилитарные формы плиты и холодильника, а также сложенные у раковины упаковки с едой уже не выглядят такими угловатыми.

Но именно в это время суток я становлюсь особенно уязвимой.

Внутри все прекрасно видно, в то время как снаружи подкрадываются тени, огни высвечивают, кто я, заставляя меня нервно дергаться. Высвечивают не только все мои пожитки — книги и рисунки, — но и фобии с привычками. А еще каждое мое движение.

Пусть я и стараюсь не думать об этом, но все равно пугаюсь, представляя, как фургон смотрится снаружи — маленький и одинокий посреди тьмы.

Я выглядываю в окно. В парке почти совсем стемнело, и деревья превратились в силуэты на фоне неба. Похоже, ночь здесь накрывает землю быстрее, внезапно погружает ее во мрак.

Даже в сумерках это место, этот вид стали моими любимыми — петляющая по долине река и лес за ней, поднимающийся к деревьям у подножия горы. Над крышами как будто постоянно висят облака, словно дома сделали вдох и все разом выдохнули.

Я оборачиваюсь, и взгляд останавливается на листке бумаги, который лежит на столе передо мной.

В каждую линию я вложила частичку души. Первые поцелуи. Укромный уголок под самой крышей. Огромные костры, от которых пылают небеса.

На мгновение я переносюсь туда, откуда прибыла. Липкие пятна пролитого пива. Смех.

Я улыбаюсь. Но улыбка гаснет.

Снаружи доносится какой-то звук. Не привычный саундтрек национального парка — пение птиц, шорох листьев на ветру, — а нечто более нарочитое.

Шарканье шагов по земле.

И тут же крохотное пространство фургона еще больше ссуживается, стены начинают смыкаться и давят. Здесь больше нет уюта, лишь удушающе замкнутое пространство.

Я задерживаю дыхание и снова смотрю в окно.

В темноте ничего не видно. Только перемещаются тени и тянутся друг к другу едва различимые силуэты веток.

И вдруг раздается лязг металла.

Внутри у меня все сворачивается, а потом распрямляется. Я вспоминаю, как называла это мама: оригами из кишок.

Я встаю, хватаю со стола листок бумаги и судорожно озираюсь по сторонам.

Надо его спрятать.

Нагнувшись к шкафчику, я стучаюсь о полку и сшибаю солонку. Крышка была плохо завинчена, и соль рассыпается по полу.

А когда я поднимаю голову, то обнаруживаю в окне лицо.

Все мое тело замирает. Кровь, дыхание, сердце — все останавливается.

Даже в темноте я замечаю ярость.

Делаю вдох, но не пытаюсь сбежать. Я не удивлена, скорее покоряюсь судьбе.

А может, в глубине души я знала, что так все и кончится.

Вероятно, с самого начала все было предрешено.

Нельзя сбежать от монстра.

Мне следовало это знать.

1

Кир

Девон, июль 2018 года

Позавчера я прочла, что у любителей путешествий есть особый ген. Самый настоящий ген жажды странствий.

Он называется DRD4 7R и влияет на уровень дофамина. Готовность к риску — именно такое поведение характерно для тех, кто любит путешествовать.

И теперь я знаю, что у всех, независимо от рода-племени — путешественников класса люкс, любителей музеев или тех, кто живет в трейлере, — у всех нас есть одинаковый фрагмент ДНК бродяги.

Вчера я сообщила об этом Зефу, и он засмеялся. Сказал, общее у нас только то, что мы бежим от чего-то. Или от кого-то. Типично для Зефа, который всюду видит мелодраму. Такова уж его поварская натура. Как говорит один его друг, творческая личность питается эмоциями.

И он прав: сейчас Зеф как раз готовит нам завтрак размашистыми и смелыми движениями, не оставляющими места для сомнений. Громко разбивает яйца о край сковородки и шлепает их в томатную подливку.

Яйца по-мексикански. Наше любимое блюдо. Самое лучшее, что можно приготовить в трейлере. Бросив скорлупу в мусорку, Зеф чешет в затылке, проводит ладонью по подстриженным почти под ноль волосам. Его черты смягчаются — он проделал трудную работу: поджарил лук

до прозрачности, добавил сладкий перец и чили, чеснок, лавровый лист, помидоры, приправы. Теперь соус загустел и выпарился.

Поднеся ложку к губам, Зеф пробует блюдо и улыбается. Я тоже невольно улыбаюсь. Обожаю смотреть, как он готовит. Только в это время он не пытается бороться с самим собой.

— Почти готово. — Почувствовав, что я наблюдаю, Зеф достает гречневый блинчик и слегка обжаривает его на другой сковородке, где уже шкворчит масло. — Проголодалась?

— Умираю с голода.

Я перевожу взгляд на окно. Ветер прорезает бирюзу полосами темно-синего, слева направо тянутся рваные линии.

Именно ради таких видов мы поставили трейлер так, чтобы окна кухни выходили на море. Потрясающее зрелище. И пусть я постоянно перемещаюсь, но эта полоска побережья Девона всегда была моей любимой — крохотные бухточки с песком и галькой, ржаво-красные утесы и спускающиеся прямо к воде деревья.

Я научилась плавать в этих водах, целоваться в них и смывать в них кровь с ободранных о камни коленей. Я чувствую ритм моря внутри, даже когда нахожусь за многие мили отсюда.

Зеф что-то мурлычет себе под нос и выключает конфорку. Яйца готовы. Он ставит сковородку на стол, балансируя с блинчиками и миской тертого сыра в руке.

Я отодвигаю карту, над которой работала, и ставлю на стол подливу.

Посыпав блинчик сыром, кладу на него яйцо с подливкой и жадно запикиваю в рот. Сначала я ощущаю текстуру: кусочек блинчика и мягкое яйцо; а затем фейерверк вкуса и ароматов.

— Изумительно.

Я вытираю губы и снова кусаю блинчик.

Зеф улыбается, и от уголков его голубых глаз разбегаются морщинки. Есть у него такая способность — взять простые продукты и превратить их во взрыв вкуса во рту. Еще несколько лет назад он работал шеф-поваром в успешном нью-йоркском ресторане. Готовил и мясо, и веганские блюда еще до того, как веганство вошло в моду.

Вскоре люди говорили только о его веганских блюдах. Какое-то время он был бешено популярен. В известном кулинарном журнале его назвали открытием года, он выступал в ток-шоу, три года подряд его включали в список лучших нью-йоркских поваров журнала «Форбс», а фонд Джеймса Бирда даже номинировал его на награду «*Восходящая звезда кулинарии*».

Он рассказывал истории о знаменитостях, напоказ выкупавших все места в ресторане, и о тех, кто приходил инкогнито, надвинув на лицо бейсболку. Я нашла в интернете сотни статей о нем, со всеми подробностями, разные интервью и обзоры в соцсетях.

Люди часто приходили только ради того, чтобы с ним сфотографироваться. Ну, знаете, фото с угрюмым шеф-поваром и слишком восторженным посетителем, который стоит к нему неподобающе близко.

И он отлично смотрелся на этих кадрах: умеренно вспотевший, в забавной бандане с ярким принтом из девяностых, так выделяющейся на его светлых волосах.

Разительный контраст с тем, как он выглядел, когда мы познакомились, во время «его *штопора*», как сам Зеф это называл. Я тогда путешествовала по итальянской Лигурии, а у него случился перерыв в работе. Он сказал, что выгорел, но позже я узнала, что его уволили.

После трех лет жалоб су-шеф подал на него в суд. Однажды су-шеф чуть не отрезал себе палец ножом и собирался ехать в больницу, но Зеф предложил вместо этого приклеить палец обратно суперклеем. Очевидно, это стало

последней каплей, хотя его предупреждали даже сторонники. К тому времени уже мелькали негативные статьи в прессе. Людям нравятся плохие парни, но не слишком плохие. История с суперклеем моментально разлетелась по свету, и Зефу припомнили все. Он стал изгоем.

Но не для меня. В тот вечер, когда мы встретились, Зеф меня очаровал. Зажарил креветки на гриле, а его истории не просто вызвали у меня смех, но и кусочек за кусочком украли сердце.

— Так что ты думаешь об этой карте?

Я вытаскиваю холст и раскладываю его на столе. Я нарисовала карту для брата — в качестве подарка-сюрприза его невесте.

— Чудесно. — Он подцепляет яйцо на вилку и отправляет в рот. — А она точно о ней не знает?

Я качаю головой.

— Она считает, что я работаю над декорированием свадебного зала.

Сюрприз преподнесет Пенн, но меня не удивляет, что он решил сделать невесте такой подарок. Карты... это нечто особенное для нас с братом.

Моя любовь к картографии началась с маминой коллекции карт. Ее семья постоянно кочевала, а мама ненавидела покидать любимые места. Места, где оставались воспоминания, да и сами служившие воспоминаниями. И чтобы унести их с собой, она собирала карты.

В детстве я часами изучала их, перекатывая на языке географические названия, прорабатывая в голове топографию, но со временем поняла, что, рассказывая о конкретном месте, карты ничего не говорят о ней самой, о том, что она там делала, где ела, танцевала, кого любила. Что воспаляло ее сердце.

Поэтому на мамин день рождения я решила нарисовать карту нашего города — тех мест, где мы оставили частичку своей души.